

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки Высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Т. 9 (1891—1896 гг.) Год: 1896] // Богословский вестник 1911. Т. 1. № 3. С. 561—576 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 561 —

горестномъ событіи первенствующему члену Св. Синода, 1896 г. митрополиту Палладію, и исполняющему должность Оберъ-Прокурора Св. Синода В. К. Саблеру;—вмѣстѣ съ тѣмъ о кончинѣ архипастыря сообщено было г. гражданскому губернатору, членамъ духовной консисторіи и секретарю. Преосвященный Гавріилъ принялъ на себя руководство при подготовленіемъ почившаго святителя къ погребенію. При помощи иподіаконовъ архіерейскаго дома, присутствовавшіе при кончинѣ духовныя лица отерли тѣло архипастыря елеемъ, надѣли чистыя одежды и, возложивъ на особо устроенныя кресла, перенесли въ залу, гдѣ и приступили къ облаченію въ архіерейскія одежды. Къ этому времени въ архіерейскій домъ прибыло весьма значительное число духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, узнавшихъ о кончинѣ святителя. Кресло съ бездыханнымъ тѣломъ архипастыря было поставлено подъ образами. Лицо почившаго не носило на себѣ никакихъ слѣдовъ предсмертныхъ страданій, было совершенно спокойно, какъ будто онъ заснулъ или углубился въ великую и серьезную думу.

Во время облаченія соборный діаконъ, замѣнявшій протодіакона, тихо и дрожавшимъ отъ волненія голосомъ проносилъ обычныя при архіерейскомъ облаченіи стихи псалмопѣвца: *да возрадуется душа твоя о Господѣ*, а пѣвчіе пѣли высокоумилительную пѣснь Богородицѣ: *Свыше пророцы Тя предвозвѣстивша*. Каждое изъ архіерейскихъ облачений подносилось къ устамъ почившаго и затѣмъ уже возлагалось на него. Невыносимо тяжело было видѣть святителя Божія, такъ недавно еще отечески бесѣдовавшаго со всѣми посѣщавшими его, бездыханнымъ и безгласнымъ. Возгласы діакона, умилительное пѣніе печально-торжественной пѣсни и сосредоточенныя лица всѣхъ присутствовавшихъ невольно переносили мысли къ тому моменту въ жизни архипастыря, когда онъ съ глубокимъ благоговѣніемъ готовился приступить къ совершенію предъ престоломъ Божиимъ божественной литургіи. Но не къ служенію въ земномъ храмѣ готовили почившаго вѣчнымъ сномъ святителя Божія, и вѣрилось, что и тамъ, въ небесныхъ обителяхъ, предстою престолу Божію, онъ будетъ непрестанно совершать свое святительское служеніе, что и тамъ онъ будетъ возносить свои святыя молитвы за свою паству съ такими же усердіемъ и

1896 г. любовію, какими всегда отличалось его богослуженіе здѣсь на землѣ.

Послѣ облаченія, тѣло почившаго архипастыря было принято руками священниковъ и возложено на приготовленный столъ, а лицо его покрыто воздухомъ. Непосредственно за симъ была совершена преосвященнымъ Гавріиломъ при участіи всѣхъ прибывшихъ духовныхъ лицъ первая панихида по въ Бозѣ почившемъ святителѣ. На панихидѣ присутствовали: г. гражданскій губернаторъ П. Д. Ахлестышевъ, вице-губернаторъ Н. Н. Усовъ, графъ Шереметевъ, которому почившій архипастырь незадолго до дня своей кончины написалъ письмо, о прибытіи котораго неоднократно навѣдывался онъ у преосвященнаго Гавріила, и котораго такъ желалъ видѣть предъ своею смертію; собрались и многіе другіе гражданскіе и военные чины. Нужно-ли говорить, въ какомъ скорбномъ настроеніи духа находились присутствовавшіе, и какое гнетущее чувство обнимало душу каждаго?..

Послѣ панихиды падъ тѣломъ почившаго архипастыря, окруженнымъ знаками архіерейскаго сана—рипидами, дикиріемъ и трикиріемъ и жезломъ, и покрытымъ архіерейскою мантиею, установлено было чтеніе св. Евангелія, начало которому положилъ преосвященный Гавріиль. Чтеніе производилось въ теченіе дня и ночи священниками градскихъ церквей и иноками Трехсвятскаго монастыря. Оффиціальныя панихиды были назначены въ 12 часовъ пополудни и въ 6 часовъ вечера, и всѣ онѣ совершались преосвященнымъ Гавріиломъ, епископомъ Старидкимъ, при участіи всего духовенства г. Твери.

Съ особенною силою глубокое уваженіе и искренняя любовь къ почившему архипастырю сказались на другой день по кончинѣ его. Въ этотъ день къ утренней панихидѣ собрались въ архіерейскій домъ г. гражданскій губернаторъ, вице-губернаторъ, представители всѣхъ гражданскихъ административныхъ учрежденій, военнаго сословія и городского общества; во всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ уроки были прерваны для совершенія по въ Бозѣ почившемъ святителѣ панихиды въ присутствіи всѣхъ учащихя. Независимо отъ этого, въ тотъ же день панихиды были совершены при тѣлѣ почившаго всѣми духовно-учеб-

ными заведениями г. Твери въ присутствіи воспитанниковъ 1896 и воспитанницъ и духовной консисторіей въ присутствіи всѣхъ ея членовъ и чиновниковъ. Въ теченіе всего времени, пока тѣло почившаго архипастыря находилось въ покаяхъ архіерейскаго дома, граждане города во множествѣ и днемъ и поздною ночью воздавали благоговѣнное поклоненіе останкамъ его и молились о прощеніи его согрѣшеній.

Для погребенія тѣла почившаго архипастыря, былъ назначенъ Св. Синодомъ высокопреосвященнѣйшій Арсеній, архіепископъ Рижскій, прибывшій въ Тверь съ почтовымъ поѣздомъ 15 октября, въ 7 час. утра и остановившійся въ Отрочь монастырѣ, въ покаяхъ викарія Тверской епархіи, преосвященнаго Гавріила, епископа Старицкаго. Наканунѣ пріѣзда преосвященнаго Арсенія, поздно вечеромъ тѣло почившаго архипастыря было положено въ металлическій гробъ, присланный, по заказу родныхъ владыки, изъ Москвы, и рѣшено было на слѣдующій день вынести тѣло почившаго въ домовую архіерейскую церковь, о чемъ и сообщено было градскому духовенству. Къ назначенному времени для выноса тѣла прибыли: высокопреосвященный Арсеній, преосвященный Гавріиль, духовенство г. Твери, гражданскіе и военные чины и множество народа. По совершеніи краткой литіи, тѣло почившаго архипастыря было изнесено на раменахъ священниковъ, съ хоругвями и крестами, въ домовую церковь и поставлено среди храма на уготованномъ мѣстѣ. Всѣ принадлежности архіерейскаго служенія: рипиды, дикирій и трикирій, посохъ, клобукъ и митра находились близъ гроба почившаго святителя, а на аналояхъ подлѣ образа Нерукотвореннаго Спаса положены были всѣ знаки отличій, достойно и праведно дарованные святителю. Непосредственно за выносомъ тѣла предъ гробомъ совершена была панихида, по окончаніи которой членъ духовной консисторіи, священникъ Вознесенской церкви о. П. Дубакинъ, сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Нѣтъ словъ, чтобы выразить общую скорбь по поводу кончины любвеобильнаго и добросердечнаго архипастыря нашего. Не подыскать намъ такихъ красокъ, дабы описать все свое сердечное горе. Только одна горячая молитва можетъ служить выраженіемъ того невыносимаго внутренняго гнета, которій, точно камнемъ, давить грудь...

1896 г. Да, поистинѣ, тяжело и скорбно на душѣ!

Достоблаженный святитель и отецъ нашъ! Да будетъ вѣчная память тебѣ. Не умретъ и не оскудѣетъ она въ сердцахъ нашихъ до смерти... Мы и потомки наши станемъ произносить имя твое съ благословеніемъ. За что? А за то, что вся твоя жизнь и дѣятельность по управленію Тверскою паствою была проникнута самою высокою христіанскою любовію къ подчиненнымъ, самымъ искреннимъ желаніемъ одного имъ добра.

Мы, ближе другихъ стоявшіе къ тебѣ въ силу своихъ служебныхъ обязанностей,—мы смѣло утверждаемъ, что вездѣ и во всемъ видѣли только однѣ прекрасныя, достойныя подражаемаго черты твоего нравственнаго облика; и никогда, никогда не изглядятся онѣ изъ сердца нашего... Всегда самъ серьезный, ты и относился ко всему серьезно. Умудренный опытностью, не поступалъ ты ни въ чемъ необдуманно, дѣйствуя во всемъ съ крайнею осмотрительностью, притомъ—спокойно и безъ поспѣшности. Свѣтлый умъ, ясная мысль, твердая память, основательность убѣжденій заставляли насъ благоговѣть предъ тобою. Совѣты и наставленія, которыми Ты неоскудно снабжалъ насъ, явившихся къ тебѣ по твоему приглашенію,—эти совѣты и наставленія были всегда строго — точны и опредѣленны. И намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только поступать по нимъ и пользоваться ими...

Въ данную минуту члены духовной консисторіи, имѣя меня своимъ представителемъ, приносятъ тебѣ въ послѣдній разъ прощальный земной поклонъ. Прими его, возлюбленный владыко, какъ залогъ нашей глубокой, искренней благодарности за добрыя и ласковыя къ намъ отношенія. Прими его какъ сердечную признательность за мудрое руководство, испытанное нами отъ твоей многолѣтней опытности. Прими его... и не забудь своихъ сотрудниковъ въ молитвахъ предъ престоломъ Отца небеснаго, къ Которому ты неосужденно предстанешь, какъ честно и велицепріятно исполнившій *вся повелѣнная тебѣ. Блаженъ путь, въ онъ же идетъ душа твоя...* Ты же, Господи Боже нашъ, услыши наши воздыханія, нашу теплую, сердечную молитву о чистой душѣ незабвеннаго архиепископа, высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Саввы. Упокой его въ селеніяхъ святыхъ, осѣни его небес-

ною Своею славою, а насъ, осиротѣвшихъ овецъ стада его, 1896
помилуй и спаси, яко благъ и человѣколюбецъ!”

Слѣдовавшую затѣмъ божественную литургію совершалъ настоятель Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря, архимандритъ Макарій, при участіи въ богослуженіи члена консисторіи, протоіерея Смоленской церкви А. Рагузина и инокъ Трехсвятскаго монастыря.

Въ тотъ же день въ 5 часовъ вечера, предъ всенощнымъ бдѣніемъ въ Трехсвятскую церковь собрались всѣ члены мѣстной ученой архивной комиссіи, во главѣ съ предсѣдателемъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ Двора Его Величества П. Д. Ахлестышевымъ, и здѣсь, предъ гробомъ почившаго святителя, съ самаго учрежденія въ г. Твери комиссіи состоявшаго почетнымъ членомъ ея, была совершена панихида.

Погребеніе въ Бозѣ почившаго святителя, по желанію родственниковъ его, предполагено было совершить въ пятницу, 18 октября, и къ этому дню уже дѣлались всѣ необходимыя со стороны духовной и гражданской власти распоряженія; къ этому же времени предполагали прибыть и депутации отъ Московской духовной академіи и отъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Но непредвидѣнныя обстоятельства измѣнили это первоначальное рѣшеніе, и погребеніе было совершено въ среду, 16 октября.

Не смотря на это, и духовная и гражданская власть приняла всѣ мѣры къ оказанію почившему архипастырю достойныхъ почестей. По распоряженію высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, духовенство г. Твери было немедленно увѣдомлено объ имѣвшемъ быть 15-го октября въ домовоі архіерейской церкви заупокойномъ всенощномъ бдѣніи, а на другой день, 16 октября, выносъ тѣла въ Бозѣ почившаго архипастыря въ кафедральный соборъ и погребеніи его. Въмѣстѣ съ тѣмъ его высокопреосвященству благоугодно было сдѣлать чрезъ благочинныхъ градскихъ церквей распоряженіе и о томъ, чтобы во всѣхъ церквахъ въ день погребенія были совершены о почившемъ раннія литургіи, а гдѣ возможно, то и позднія; чтобы во время шествія погребальной процессіи изъ архіерейскаго дома въ соборъ во всѣхъ церквахъ по знаку соборнаго колокола былъ производимъ перезвонъ, чтобы такой же перезвонъ былъ совершенъ и во время

1896 г. отпѣванія останковъ святителя. Въ учрежденія, имѣвшія прислать депутаціи, были посланы телеграммы съ извѣщеніемъ о днѣ погребенія. Начальники свѣтскихъ учебныхъ заведеній, съ своей стороны, телеграфировали г. попечителю Московскаго учебнаго округа, испрашивая разрѣшеніе освободить въ день погребенія святителя воспитанниковъ отъ учебныхъ занятій, чтобы и они могли принять участіе въ общей молитвѣ по почившемъ архипастырѣ. По всему городу расклеены были объявленія о времени выноса и погребенія тѣла архипастыря и поминальномъ въ день погребенія его обѣдѣ на 300 человекъ бѣдныхъ жителей города, согласно волѣ святителя, и на смертномъ одрѣ не забывшаго святого исконнаго русскаго обычая. Въ кафедральномъ соборѣ рабочіе въ теченіе цѣлой ночи, подъ наблюденіемъ дежурныхъ священниковъ, приготовляли мѣсто, гдѣ должно покоиться честное тѣло святителя ¹⁾. По распоряженію гражданскаго начальства, въ теченіе ночи весь путь, по которому должна была слѣдовать печальная процессія, на протяженіи 2¹/₂ верстъ, былъ очищенъ и усыпанъ пескомъ.

Заупокойное всенощное бдѣніе (парастася) въ домовоі архіерейской церкви совершено было высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ и преосвященнымъ Гавріиломъ, при участіи въ богослуженіи трехъ архимандритовъ, игумена, двухъ протоіереевъ и двухъ священниковъ. Въ храмѣ присутствовали: г. гражданскій губернаторъ и вице-губернаторъ, начальники разныхъ административныхъ учрежденій г. Твери, городской голова и представители городского сословія, начальники духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній, преподаватели семинаріи и духовнаго училища и все духовенство города. Стеченіе народа было такъ многочисленно, что храмъ былъ совершенно переполненъ; не находя мѣста въ храмѣ, народъ тѣснился на улицахъ и огромною толпою окружалъ архіерейскій домъ.

Заупокойное всенощное бдѣніе, имѣющее такъ много превосходныхъ, одной только православной церкви свойствен-

---

¹⁾ Мѣсто погребенія почившаго святителя находится у южной стѣны кафедральнаго собора, въ придѣлѣ Введенія Божіей Матери, въ которомъ покоятся и мощи св. благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича, — между колонною и Нерукотвореннымъ образомъ Спасителя.

ныхъ, особенностей, всегда производитъ на присутствующихъ глубокое и неотразимое впечатлѣніе возвышеннымъ содержаніемъ пѣснопѣній и чтеній, входящихъ въ чинопоследованіе его. Призывая всѣхъ къ усердному и пламенному моленію за почившихъ и внушая твердую вѣру въ безконечное милосердіе Господа, претерпѣвшаго спасенія ради *вѣрныхъ Своихъ поношенія и наруганія, связанія и бѣнія, оплеванія и заушенія и различная лютая мученія* ¹⁾, оно отрѣшаетъ нашу душу отъ всего земного, до высокой степени возбуждаетъ благоговѣнное религиозное чувство и устремляетъ умъ нашъ къ созерцанію тѣхъ небесныхъ обитателей, *отнюдуже отобже всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе, идѣже пристѣцаетъ свѣтъ лица Божія и веселитъ вся отъ вѣка святыя своя* ²⁾. Такое именно благоговѣнное состояніе духа испыталъ всякій, кто присутствовалъ при совершеніи заупокойнаго всеобщаго бдѣнія по почившемъ святителѣ. Богослуженіе это отличалось и необыкновенною величественностію и умирительною торжественностію. Отчетливое, внятное и прочувствованное произношеніе возгласовъ, выразительное чтеніе глубоко-содержательныхъ царемій, шестопсалмія и стиховъ канона, спокойное, прекрасное и стройное исполненіе хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ—аллилуія съ тропаремъ: „Глубиною мудрости челоуѣколюбно вся строяй“, непорочныхъ съ припѣвами: „Помяни, Господи“ и „Упокой, Господи, душу раба Твоего“, заупокойныхъ тропарей: „Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни“, молитвы: „Со святыми упокой“ и канона: „Твоя побѣдительная десница“,—все это не могло не трогать молящихся, не могло не возбуждать души ихъ къ искренней молитвѣ о почившемъ святителѣ. Но особенно сильное впечатлѣніе на молящихся произвелъ выходъ на литію ко гробу святителя всѣхъ священнослужачихъ, во главѣ съ двумя архипастырями, а также и самое совершеніе этой части заупокойнаго всеобщаго бдѣнія. На литіи было присоединено особое прошеніе о упокоеніи блаженныхъ памяти и оставленій грѣховъ новопреставляшагося раба Божія высокопреосвященнѣйшаго Саввы, и съ глубокимъ благоговѣніемъ и выразительностію

¹⁾ Парастасъ. Стихира на литіи.

²⁾ Парастасъ. Ектенія на литіи.

1896 г. была прочитана вслух всѣхъ молитва: „Боже духовъ и всякія плоти“, читаемая обыкновенно священнослужащимъ тайно. Во время совершенія литіи какъ священнослужители, такъ и всѣ присутствовавшіе до окончанія канона стояли у гроба съ зажженными свѣчами, что еще болѣе увеличивало торжественность богослуженія. Вообще, весьма рѣдко приходится присутствовать при такомъ торжественно-умилительномъ богослуженіи, какое совершалось въ этотъ достопамятный день въ церкви архіерейскаго дома. Но таково и должно было быть священнослуженіе по архипастырѣ, который самъ былъ благоговѣйнымъ любителемъ богослуженія православной церкви и самымъ точнымъ блюстителемъ ея чиновъ и установленій.

По окончаніи всенощнаго бдѣнія, по усопшемъ архипастырѣ была совершена, въ присутствіи всѣхъ молящихся, панихида отъ почтоваго вѣдомства. Панихиду эту пѣлъ хоръ, составленный изъ чиновниковъ этого вѣдомства начальникомъ почтъ и телеграфовъ И. М. Пыжевымъ, искреннимъ любителемъ и знатокомъ церковнаго пѣнія.

На слѣдующій день, согласно распоряженію высокопреосвященнаго Арсенія, въ пять часовъ утра въ церкви архіерейскаго дома и во всѣхъ градскихъ церквахъ была совершена по почившемъ архипастырѣ заупокойная литургія.

Въ 8 час. утра того же дня въ Трехсвятское стало собираться духовенство какъ г. Твери, такъ и прибывшее изъ ближайшихъ уѣздныхъ городовъ: архимандриты, игумены, протоіереи, іереи, иноки и инокини, діаконы и псаломщики: около 9 часовъ прибыли всѣ гражданскіе и военные чины, городской голова и представители городского сословія, вице-губернаторъ и г. гражданскій губернаторъ. Въ 9 часовъ, когда все духовенство облачилось въ бѣлыя блестящія одежды и находилось на своихъ мѣстахъ, въ архіерейскій домъ прибылъ высокопреосвященнѣйшій Арсеній въ сопровожденіи преосвященнаго Гавріила. Встрѣченный при входѣ въ храмъ, его высокопреосвященство выслушалъ входныя предъ литургіей молитвы, приложился къ мѣстнымъ иконамъ, преподалъ всѣмъ собравшимся общее святительское благословеніе и вступилъ на архіерейскую кафедру, приготовленную позади гроба, для облаченія. Непосредственно по облаченіи, во время котораго хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ

пѣль „Свыше пророцы Тя предвозвѣстиша“, началось совершеніе панихиды, по окончаніи которой тѣло почившаго святителя было изнесено руками священниковъ изъ домовоѣ церкви и поставлено на особо устроенный одръ. Совершивъ предъ архіерейскимъ домомъ краткую литію, высокопреосвященнѣйшій Арсеній отправился въ каѳедральный соборъ, чтобы встрѣтить печальную процессію во главѣ съ духовными лицами, назначенными для служенія божественной литургии.

Погребальная процессія отъ архіерейскаго дома направилась къ каѳедральному собору въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди псаломщики несли хоругви каѳедральнаго собора, Срѣтенской, Вознесенской и Трехсвятской церквей; за ними—два діакона съ гробовою крышкою, семинарскіе пѣвчіе, священники съ орденами почившаго архипастыря, архіерейскіе пѣвчіе, два діакона и два священника, изъ коихъ первые несли запрестольные крестъ и икону Божіей Матери, а послѣдніе—св. Евангеліе и напрестольный крестъ; затѣмъ слѣдовали: діаконы, іереи, протоіереи и викаріи Тверской епархіи, преосвященный Гавріиль, епископъ Старицкій; предъ гробомъ почившаго шли—посошникъ съ посохомъ и лампадчикъ, іеромонахи—съ клобукомъ, малымъ омофоромъ и митрою на блюдѣ и духовникъ почившаго архипастыря съ св. иконою; двѣ пары рипидъ осѣняли гробъ; близъ гроба же находились иподіаконы съ дикиріемъ и трикиріемъ. Гробъ съ останками почившаго архипастыря несли протоіереи и іереи въ три очереди,—первая—до Срѣтенской церкви, вторая—до церкви Вознесенской и третья—до каѳедральнаго собора. За гробомъ архипастыря слѣдовали родственники и чины всѣхъ вѣдомствъ. Въ продолженіе всего пути архіерейскіе и семинарскіе пѣвчіе попеременно пѣли ирмосы канонъ: „Помощникъ и Покровитель“ и „Волною морскою“.

Погребальная процессія, слѣдуя по улицамъ, запруженымъ безчисленными массами народа, представляла величественное религіозное зрѣлище. Былъ чудный осенній день. Солнце своими блестящими лучами, отражаясь на серебряныхъ облаченіяхъ священно-церковнослужителей, хоругвахъ и иконахъ, еще болѣе усиливало это впечатлѣніе. По всему городу раздавались печальные звуки колокольнаго звона, призывая гражданъ къ молитвѣ объ упокоеніи души

1896 г. почившаго святителя. На всемъ протяженіи пути отъ Трехсвятскаго до собора массы народа встрѣчали и сопровождали печальное шествіе; во всѣхъ окнахъ домовъ и даже во многихъ мѣстахъ на крышахъ тѣснился народъ и, при видѣ гроба, благоговѣнно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Медленно двигаясь по улицамъ, погребальная процессія останавливалась по временамъ для совершенія краткой литіи. Такія литіи были совершены: у церкви Срѣтенія, предъ домомъ родственника почившаго архипастыря, пользовавшаго его врача П. А. Орфанова, предъ Вознесенскою и Знаменскою церквами, предъ домомъ г. гражданскаго губернатора, предъ реальнымъ училищемъ и классическою гимназіею. Г. губернаторъ, встрѣтивъ въ парадной формѣ съ своею супругою гробъ святителя у своего дома и выслушавъ краткую литію, послѣдовалъ за гробомъ въ соборъ. Предъ реальнымъ училищемъ, гдѣ были выстроены шпалерами во главѣ съ начальствующими и учащими всѣ воспитанники, печальная процессія снова остановилась; здѣсь также была совершена краткая литія, при чемъ, по провозглашеніи „во блаженномъ успеніи“, всѣ воспитанники училища весьма стройно пропѣли вѣчную память. Отъ реального училища, примыкающаго къ соборной площади, погребальная процессія направилась къ собору, среди выстроенныхъ шпалерами съ одной стороны воспитанниковъ духовной семинаріи и училища, а съ другой—воспитанниковъ классической гимназіи.

Когда печальная процессія приблизилась къ собору, высокопреосвященнѣйшій Арсеній встрѣтилъ останки почившаго архипастыря со всѣми назначенными для служенія божественной литургіи духовными лицами, съ хоругвями и крестами и, совершивъ какъ здѣсь, такъ и по внесеніи въ соборъ краткую литію, приступилъ къ священнодѣйствию божественной литургіи. Въ служеніи съ высокопреосвященнымъ Арсеніемъ участвовали: архимандритъ Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря Макарій, архимандритъ Тверскаго Желтикова монастыря Антоній, архимандритъ Краснохолмскаго Антоніева монастыря Анатолій, игумень Старицкаго Успенскаго монастыря Николай, бывший игумень того же монастыря Арсеній, ректоръ духовной семинаріи, протоіерей П. Соколовъ, члены духовной консисторіи—прото-

іерей Смоленской церкви Аѳ. Рагузинъ и протоіерей церкви 1896 г. Живоноснаго Источника, духовникъ почившаго архипастыря Д. Константиновскій, протоіерей Никольской церкви М. Озеровъ и преподаватель духовной семинаріи, ключарь собора, священникъ Н. Модестовъ. Литургія совершалась съ такимъ же благоговѣніемъ, съ такою же величественностію и торжественностію, какъ и заупокойное всенощное бдѣніе, при стройномъ пѣніи архіерейскаго и семинарскаго хоровъ. За литургіей послѣ пѣнія, вмѣсто причастнаго стиха, въ высокой степени трогательнаго концерта Бортовянскаго: „Помилуй мя, Боже“, ректоромъ духовной семинаріи, протоіереемъ П. Соколовымъ было произнесено краткое, глубоко-прочувствованное слово; такое же слово, вызвавшее искреннія слезы у слушателей, произнесено было и преосвященнымъ Гаврииломъ, послѣ заамвонной молитвы.

Непосредственно по окончаніи божественной литургіи, началось послѣднее священнодѣйствіе надъ останками почившаго архипастыря. Трудно передать тѣ возвышенныя чувства, которыя испытали въ душѣ своей присутствовавшіе въ храмѣ при совершеніи этого величественнаго священнодѣйствія. Самая обстановка, при которой совершалось это священнодѣйствіе, невольнo возбуждала въ душѣ благоговѣйныя чувства. По срединѣ ярко освѣщеннаго храма, на возвышеніи, покрытомъ бѣлымъ глазетомъ, стоялъ блестящій металлическій гробъ, въ которомъ покоились драгоценныя останки почившаго архипастыря, окруженныя принадлежностями архіерейскаго сана; предъ гробомъ, на аналояхъ лежали двѣ святыя иконы, предъ которыми возносилъ свои келейныя молитвы архипастырь съ самыхъ юныхъ лѣтъ своей жизни ¹⁾; на аналояхъ же находились и знаки отличія архипастыря—свидѣтели неустанныхъ и многоплодныхъ трудовъ его на благо святой православной церкви и отечества; кругомъ гроба—два архипастыря съ многочисленнымъ сонмомъ священнослужителей, облаченныхъ въ блестящія бѣлыя одежды и занявшихъ въ два ряда мѣста по обѣимъ

¹⁾ Одна изъ этихъ иконъ—благословеніе матери почившаго архипастыря предъ ея смертію, другая—благословеніе первосвятителя Московскаго Филарета, когда почившій владыка отправляется на многотрудное служеніе Полоцкой паствы.

1896 г. сторонамъ гроба отъ архіерейской кафедры до самаго иконостаса. Эта торжественная обстановка священнодѣйствія вполне соответствовала тому возвышенному вѣрованію православной церкви объ упокоеніи душъ усопшихъ въ свѣтлыхъ чертогахъ небесныхъ обитателей, по которому *праведницы во вѣки живутъ, и во Господѣ мзда ихъ, и попеченіе ихъ у Вышняго: сего ради примутъ царствіе благолѣпія и вѣнецъ доброты отъ руки Господни* ¹⁾. Впечатлѣніе еще болѣе усиливалось полными глубокаго смысла молитвословіями священническаго отпѣванія, всегда неотразимо дѣйствующаго на души молящихся и возводящаго умъ и сердце къ престолу Божію. *На небо очи мои возвожу, взывала церковь отъ лица почившаго, къ Тебѣ, Слове, ущедри мя, да живу Тебѣ!— Помилуй насъ уничиженныхъ, устрояя благопотребныя Твоя сосуды, Слове!*—

При пѣніи этихъ чудныхъ стиховъ невольно припоминались обстоятельства жизни почившаго архипастыря, которыми Господь приготовилъ въ немъ, поистинѣ, благопотребный сосудъ для прославленія имени Своего, и въ которыхъ съ такою силою выразилась святая вѣра святителя въ Промышленіе о немъ Господа. „Смотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ постоянно и вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно Господь отрѣшалъ меня отъ міра и призывалъ на служеніе Себѣ, такъ писалъ онъ въ своей автобіографіи: взялъ у меня родителя прежде, нежели я увидѣлъ свѣтъ; лишилъ матери въ то время, когда я еще имѣлъ крайнюю нужду въ попеченіи; опредѣлилъ испытать горькій жребій сиротства съ тою, конечно, благою цѣлію, чтобы заблаговременно ознакомить меня съ тѣснымъ путемъ креста. Но вотъ послѣ долгаго томленія въ сиротствѣ, краткое время даетъ мнѣ вкусить нѣкоторую сладость жизни въ семейномъ благополучіи; но и здѣсь скоро начинаются опять лишенія: умираетъ сынъ, который при своей жизни естественно привязывалъ бы меня къ міру во всякомъ случаѣ; наконецъ, лишился того, что привлекало и всего болѣе привязывало меня къ міру;—все это не ясны-ли, постепенно болѣе и болѣе возвышающіеся гласы божественнаго воззванія меня изъ бурнаго моря къ тихому пристанищу монашескаго житія? Да будетъ-же благословенна воля Божія, из-

1) Парастасъ. Вторая царемія.

бравшая и посвятившая меня на служеніе Себѣ, можно сказать, изъ чрева матери“.

Не простыми звуками, но живою истиною были для почившаго святителя слова псалмопѣвца, произнесенныя имъ, когда Господь призвалъ его къ архипастырскому служенію. „Не мимо меня прошло слово псалмопѣвца, такъ говорилъ онъ при своемъ нареченіи во епископа: *отецъ мой и мати моя остависта мя; Господь же воспріятъ мя* (Пс. 26, 10“). И эта глубокая, проникнувшая все существо его вѣра въ Промысленіе о немъ Божіе не оставляла его отъ первыхъ дней юности и до самаго послѣдняго дыханія его: она поддерживала его во дни вопіющей нужды и бѣдности, окружавшихъ его дѣтство; она укрѣпляла его въ безропотномъ перенесеніи горестныхъ обстоятельствъ семейной жизни, которыя Промыслу Божію угодно было ниспослать ему въ лѣта мужскаго возраста; она повела его скорбнымъ, соединеннымъ съ страшными испытаніями, путемъ иноческой жизни и своею всеильною благодатію поддерживала его въ непреткновенномъ прохожденіи этого многотруднаго поприща; она вудила его „въ священныхъ древностяхъ православной церкви искать слѣдовъ и воспоминаній древней церковной жизни, и съ любовію изучать ихъ, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ“, чтобы впоследствии на каедрѣ Полоцкой принять великіе труды и подвиги во славу святой православной церкви; она давала ему мужество къ доблестному прохожденію архипастырскаго служенія на благо святой церкви и ввѣряемыхъ руководству его паствъ; она являла въ немъ истиннаго отца сирыхъ и вдовиць, всю жизнь свою подвизавшагося за облегченіе ихъ бѣдственнаго положенія; она же, наконецъ, дала ему силы къ безропотному перенесенію болѣзненныхъ страданій и споспѣшествовала праведной, и поистинѣ, христіанской кончинѣ. Такъ велика была вѣра святителя Божія!...

Стройно, по чину и съ великимъ благоговѣніемъ совершалось священнодѣйствіе надъ останками архипастыря. Выразительное чтеніе св. Евангелія и апостольскихъ посланій, умилительное пѣніе молитвословіи, громкое и раздѣльное чтеніе икосовъ, представляющихъ послѣднюю глубоко-назидательную бесѣду почившаго архипастыря съ служителями алтаря о загробной жизни и суетѣ жизни мірской и

1896 г. сопровождающихся пѣніемъ всѣми окружающими гробъ священнослужителями ангельской пѣсни: аллилуія,—все это производило неотразимое впечатлѣніе на молящихся и возбуждало къ усердной молитвѣ за почившаго святителя. Послѣ чтенія икосовъ, предъ вторичнымъ пѣніемъ „со святыми упокой“, членъ депутаціи отъ Московской духовной академіи, экстраординарный профессоръ И. Н. Корсунскій, облачившись въ стихарь и принявъ благословеніе отъ высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, произнесъ съ амвона слѣдующее прекрасное слово на текстъ:

Благій человекъ отъ благаго сокровища износитъ благая (Матѣ. 12, 35).

Это изреченіе слова вѣчной Истины, Господа Спасителя, заключающее въ себѣ три мысли, соотвѣтственно трикратно употребленному слову *благій*, да послужить основаніемъ къ нашему слабому и краткому слову въ память о почившемъ въ Бозѣ архипастырѣ Тверскія паствы, высокопреосвященнѣйшемъ архіепископѣ Саввѣ, на которомъ Господь оправдалъ истину сего изреченія.

Почившій архипастырѣ былъ, во-истину, *благій человекъ*, и какъ добрый человекъ, благостный архипастырѣ, и какъ мужъ доблестный ¹⁾ во всѣхъ отношеніяхъ: по уму, по характеру, по направленію мыслей и воли и по дѣяніямъ. Господь, можно сказать, воспріялъ его отъ чрева матери его, чтобы содѣлать Своимъ избраннымъ, благимъ сосудомъ. Отецъ архипастыря скончался до рожденія его, а мать умерла, когда онъ былъ еще 11-лѣтнимъ отрокомъ. Правда, какъ благочестивая и любвеобильная женщина, она успѣла при жизни своей посвятить въ немъ первыя сѣмена благочестія и любви, но возвращеніе и укрѣпленіе этихъ и другихъ добрыхъ же сѣмянъ принадлежало одному лишь Отцу небесному. Вотъ почему, при нареченіи своемъ во епископа, въ Бозѣ почившій архипастырѣ, предъ соборомъ архіереевъ, не усумнился и открыто исповѣдать эту истину словами псалмиста: *отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же вос-*

¹⁾ Греческое слово *ἀγαθός*, которое въ славянскомъ переводѣ передано здѣсь словомъ *благій*, значить и „добрый, хорошій“ и „доблестный“ въ какомъ бы то ни было отношеніи, „достойный удивленія“ (отъ *ἀγασμαι*—„удивляюсь“).

пріяты мя (Псал. 26, 10) ¹⁾. Такимъ образомъ дальнѣйшее 1896 г. воспитаніе почившаго, по смерти матери, стало совершаться уже исключительно и по всей справедливости, выражаясь его же словами, „въ дому Божіемъ“ ²⁾, т. е. въ церкви Божіей, подъ ея бдительнымъ руководствомъ и подъ смотрѣніемъ промысла Божія. Духовное училище и духовная семинарія, служеніе въ санѣ священника и въ должности учителя духовнаго училища, поступленіе въ Московскую духовную академію по кончинѣ единственнаго сына и супруги и постриженіе въ монашество въ академіи, служеніе въ должностяхъ синодальнаго ризничаго и ректора Московскихъ духовныхъ семинаріи и академіи подъ опытнымъ и мудрымъ руководствомъ и наблюденіемъ великаго святителя русской церкви, въ Бозѣ почившаго Филарета, митрополита Московскаго, наконецъ и первые шаги движенія дѣятельности его въ высшемъ, епископскомъ служеніи подъ тѣмъ же руководствомъ на степени викарія Московской митрополіи до половины 1866 года, т. е. до вступленія на самостоятельную архіерейскую кафедру Полоцкую,—все это было для почившаго нынѣ архипастыря прямымъ подтвержденіемъ исповѣданной имъ истины, что *Господь воспріяты* его. Доблестное же архипастырское служеніе почившаго на кафедрахъ Полоцкой, Харьковской и Тверской было только болѣе и болѣе яснымъ и сильнымъ, убѣдительнымъ доказательствомъ того, что, воспитанный и наставленный такимъ образомъ, онъ оказался вполне достойнымъ высокаго званія истиннаго чловѣка-христіанина и вѣрнымъ строителемъ „въ дому Божіемъ“,—въ церкви Христовой. Въ Бозѣ почившій былъ, повторяемъ, во-истину *благій чловѣкъ. И не достанетъ ми времени повѣствовующу* (Евр. 11, 32) теперь въ подробностяхъ о томъ, чѣмъ онъ ознаменовалъ себя въ званіи такого чловѣка-христіанина и такого строителя въ дому Божіемъ. Объ этомъ, къ тому же, и говорено было и будетъ еще сказано другими. Обращу вниманіе на то, какимъ *сокровищемъ* обладалъ въ Бозѣ почившій.

Велика и богата была сокровищница духа, жившаго въ

¹⁾ См. эту рѣчь въ *Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. Отцевъ* за 1862 г., ч. 21, стр. 483.

²⁾ См. тамъ же, стран. 484.

1896 г. окончившемъ нынѣ некрatkовременное земное странствованіе свое архипастырѣ. Какъ бы въ замѣну скудости сиротства, Господь нескудно снабдилъ его высокими дарами духа: умомъ свѣтлымъ, крѣпкимъ, основательнымъ, умудреннымъ, сверхъ того, долготѣнею опытностью и высокимъ руководствомъ, какъ выпало на долю почившаго;—сердцемъ добрымъ, благодетельнымъ, глубоко вѣрующимъ, открытымъ, любвеобильнымъ подобно сердцу матери, сострадательнымъ къ скорбямъ и лишеніямъ особенно подобныхъ ему самому сирыхъ, вдовицъ и другихъ несчастныхъ;—волею и характеромъ, мягкими, когда нужно было оказать благодетельность, и твердыми, когда нужда настояла въ оказаніи справедливости, въ удержаніи отъ зла или обузданіи послѣдняго,—право правящими слово истины и правды. Имѣя въ виду эти разностороннія качества духа почившаго, митрополитъ Филаретъ нарочито и ставилъ его на такія административныя должности, которыя особенно требовали не мягкости, доброты, но и твердости въ управленіи, какъ напримѣръ, это было въ представленіи его со стороны митрополита на должности ректора семинаріи и академіи ¹⁾. Въ соотвѣтствіи съ такимъ богатствомъ сокровищъ духа постепенно обогащалась, Господу, споспѣшествующему, и сокровищница книжная у отличавшагося всегдашнею любознательностію архипастыря, а равно и сокровищница благотвореній.

И вотъ изъ этой богатой, *благой* сокровищницы духа, сокровищницы книжной и сокровищницы благотвореній обильно *износилось* все *благое*. Плоды высокаго ума въ Божѣ почившаго архипастыря видны не только въ мудромъ управленіи ввѣренными ему частями строительства дому Божію, но и въ учено-литературныхъ трудахъ его, которые стяжали ему званіе дѣйствительнаго и почетнаго члена многихъ ученыхъ обществъ и учреждений, снискали извѣстность не только въ Россіи, но и за границами Россіи, наконецъ доставили ему ученую степень доктора церковной исторіи по

---

¹⁾ См. *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, Митрополита Московскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ*, изданное подъ редакцію архіепископа Тверскаго Саввы, т. IV, стр. 358 и 574. Москва, 1886.